

АНТРОПОЛАТРИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА, ИЛИ О «БОГООБЩЕНИИ» ПРОТОИЕРЕЯ ВЯЧЕСЛАВА РУБСКОГО

Протоиерей Вадим Леонов

Кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой богословия;

Сретенская духовная академия (Россия)

posad@inbox.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151

Аннотация. В данной публикации представлен критический обзор интернет-лекции протоиерея Вячеслава Рубского «Богообщение», которая содержит ряд спорных богословских утверждений. В статье перечисляются основные содержательные утверждения лектора и раскрываются проблемные моменты в каждом из них. В конце статьи делаются предположения о возможных корнях подобного мировоззрения и о последствиях его распространения.

Ключевые слова: богообщение, антропоцентризм, антрополатрия, православная антропология, постмодернизм, экзистенциализм, аскетика, протоиерей Вячеслав Рубский.

Для цитирования: *Вадим Леонов, прот.* Антрополатрия в эпоху постмодерна, или О «Богообщении» протоиерея Вячеслава Рубского // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2023. № 2 (6). С. 151–176. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151

ANTHROPOLATRY IN THE POSTMODERN ERA, OR ABOUT “COMMUNION WITH GOD” BY ARCHPRIEST VYACHESLAV RUBSKY

Archpriest Vadim Leonov

PhD in Theology, Associate Professor, Head of the Department of Theology;

Sretensky Theological Academy (Russia)

posad@inbox.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151

Abstract. This publication presents a critical review of Archpriest Vyacheslav Rubsky’s Internet lecture “Communion with God”, which contains a number of controversial theological statements. The article lists the main substantial statements of the lecturer and reveals the problematic points in each of them. At the end of the article, assumptions are made about the possible roots of such a worldview and the consequences of its spread.

Keywords: communion with God, anthropocentrism, anthropolatry, Orthodox anthropology, postmodernism, existentialism, asceticism, Archpriest Vyacheslav Rubsky.

For citation: *Vadim, Leonov, archpriest.* Anthropolatry in the postmodern era, or about “Communion with God” by Archpriest Vyacheslav Rubsky // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2023. No 2 (6). Pp. 151–176. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_151

Будет время, когда здравого учения принимать не
будут, но по своим прихотям будут избирать себе учи-
телей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят
слух и обратятся к басням.

2 Тим. 4, 3–4

Введение

Интернет-пространство переполнено разного рода блогерами, кото-
рые используют возможности новых медиа для решения различных
задач: финансовых, миссионерских, просветительских, социальных, ком-

муникативных, благотворительных и т. п. В этом виртуальном мире определенную часть занимают и православные блогеры, которые чаще всего стремятся донести истины веры и духовной жизни интересующимся людям. В большинстве своем это полезные проекты, но существуют и весьма спорные, на мой взгляд. Об одном таком проекте и пойдет речь в этой статье — о видеолекциях прот. Вячеслава Рубского.

Согласно информации, размещенной в открытых источниках, о Вячеславе стал священником в 1999 г. в Одессе. С 2002 г. является настоятелем храма св. мц. царицы Александры (УПЦ) при Одесском национальном морском университете. Закончил Одесскую духовную семинарию, затем Киевскую духовную академию, где в 2012 г. защитил диссертацию кандидата богословия. С 2013 по 2018 г. обучался на философском факультете Одесского национального университета, после окончания которого в 2019 г. защитил диссертацию доктора философии по двум специальностям (богословие и религиоведение). С 20 февраля по 20 марта 2020 г. находился под запретом священнослужения за свои богословские высказывания. С 2015 г. является практикующим психологом и преподавателем кафедры психологии.

Как видно из этого списка, батюшка разносторонне образован и реализует себя не только как священник, но и как психолог. В последние годы он является активным видеоблогером, ведет свои каналы на YouTube и в Telegram, выкладывает свои лекции на платной платформе Patreon, представлен во всех крупных соцсетях. В общем, о Вячеславе, подобно серфингисту, находится на гребне информационной волны и использует все ресурсы новых медиа, чтобы донести свою точку зрения по самым разным вопросам, начиная от богословских и философских и заканчивая политическими и бытовыми. Делает он это достаточно ярко и уверенно, поэтому стал уже заметной личностью в православном русскоязычном медиапространстве.

Меня побудили ознакомиться с его творчеством студенты, которым я преподаю. После просмотров нескольких лекций они были в сильном недоумении и попросили меня посмотреть некоторые видео из его огромного контента и дать комментарии. Так появилась данная статья.

Чтобы не утонуть в обсуждении мелочей, где вполне возможны расхождения, была выбрана тема о Боге и богообщении, ибо главные смыслы православной духовной жизни и богословия заключены именно в этих

понятиях. У о. Вячеслава есть полуторачасовая лекция на тему «Богообщение»¹, которая и была взята за основу. Чтобы сохранить линию повествования, я буду воспроизводить цитаты о. Вячеслава в хронологической последовательности, а потом уже комментировать их². Лекция оказалась большой, содержательной, с некоторыми повторами, поэтому получился достаточно объемный текст. Если читатель чувствует, что не осилит его полностью, то можно прочитать выделенные жирным шрифтом фрагменты из лекции о. Вячеслава и сразу перейти к Заключение, а потом уже, если возникнут сомнения в сделанных выводах, обратиться к основному тексту с разбором тезисов.

Богообщение в понимании прот. Вячеслава Рубского (с критическими замечаниями)

1. Указанную лекцию о. Вячеслав начинает с утверждения, что типов богообщения существует множество, но

(1:30) **«важно не то, что мы считаем богообщением, но важно то, что Бог считает богообщением, как Он Сам видит богообщение».**

Далее уважаемый лектор в уверенной манере формулирует свою типологию богообщения, состоящую из пяти разновидностей. Первый тип, в понимании о. Вячеслава, звучит так:

(2:11) **«богообщение — это человекообщение».**

Этот тип отношений с Богом автор поясняет на примере евангельской притчи о Страшном Суде, где Христос говорит: *Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 2, 40). В рамках этого типа, как кажется о. Вячеславу,

(1:48) **«[человек] может быть в богообщении, но не подозревать об этом».**

(2:20) **«то есть когда люди общаются между собой, Бог воспринимает это как богообщение, воспринимает это на Свой счет».**

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=UUmGcisYPWE>.

² При цитировании кратких фраз о. Вячеслава в круглых скобках обозначены тайм-коды начала цитаты. Для воспроизведения длинных рассуждений указаны тайм-коды начала и конца цитирования указанной выше видеозаписи. В квадратных скобках даны смысловые уточнения, которые следуют из общего контекста лекции. Сохранены стилистика и обороты речи автора.

Для подтверждения данной позиции автор также использует цитату из Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова: *Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас* (1 Ин. 4, 12).

Здесь зачем-то производится принципиальная подмена общения с Богом на общение с человеком. Вместо теоцентризма, который является основой любой религиозной жизни в монотеистических религиях, о. Вячеслав предлагает антропоцентризм, где в центр религиозной жизни перемещается человек. Всякий религиозный антропоцентризм неизбежно превращается в антрополатрию³ — разновидность идолопоклонства, где объектом религиозного поклонения является именно человек, а не Бог. Так устроена религия: находящееся в центре ее внимания становится объектом богопочитания и поклонения. Христианство здесь не исключение. В ситуации антропоцентризма заповедь Спасителя: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48) — теряет всякий смысл, поскольку общение с Богом подменено на общение с другими людьми, а уподобление Богу без личного общения с Ним абсурдно.

О. Вячеслав пытается обосновать эту подмену ссылкой на притчу о Страшном Суде и не замечает следующего: 1) в этой притче речь идет не о богообщении в прямом смысле слова, а о принципах Божественного правосудия: Христос принимает доброе дело, совершенное людям, как дело, совершенное для Него, но прямого общения между Христом и людьми здесь нет, поэтому как праведники, так и грешники недоумевают: *Когда мы видели Тебя?..* (Мф. 25, 37); 2) Христос нигде в Евангелии не предлагает свести богообщение к доброделанию. Даже если доброе дело, совершенное для ближнего, Бог принимает как дело, совершенное для Него, это совсем не значит, что только в этом должно состоять богообщение, а личная форма взаимодействия с Богом исключается; 3) Господь Иисус Христос много говорит о необходимости прямого общения людей с Богом посредством молитвы (Мф. 6, 5, 9; 9, 38; 17, 21; 21, 22; 24, 20; 26, 41; Мк. 9, 29; 11, 24–25; 13, 18, 33; 14, 38; Лк. 6, 28; 10, 2; 11, 1–2; 18, 1; 21, 36; 22, 40; 22, 46 и мн. др.), посредством таинств (Мф. 28, 19–20; Ин. 3, 3–7; 6, 35, 48–58;

³ Антрополатрия — от греч. ἀνθρώπος — «человек» и λατρεία — «божественное поклонение». В совокупности означает поклонение человеку как Богу — одна из форм идолопоклонства.

Лк. 22, 19–30; Евр. 10, 22 и др.), через очищение от грехов и страстей (Мф. 5, 8; Ин. 8, 31–36; 9, 41; 15:24 и др.). Это свидетельства Евангелия. А если обратиться к другим новозаветным книгам, то этот список увеличится в несколько раз.

Также и ссылка на 1 Ин. 4, 12 некорректна по трем причинам: 1) ап. Иоанн говорит о любви, а о. Вячеслав об общении, что совсем не одно и то же; 2) превращение богообщения в человекообщение нигде у апостола не предполагается; 3) для апостола важно как личное общение человека с Богом посредством любви, так и общение людей во взаимной любви. Он это не противопоставляет, но о. Вячеслав настаивает даже не на человеколюбии, а на человекообщении.

Невидимое пребывание Христа среди любящих учеников не исключает их прямого личного диалога с Ним, а дополняет. Если мы обратимся к этому же посланию ап. Иоанна, то увидим у него как одно, так и другое. Более того, на личном единении со Христом он настаивает как на принципиальном условии спасения, которое нельзя исключить: *Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни* (1 Ин. 5, 12). Потому что без реального общения со Христом невозможно никакое единение с Богом: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 6; ср. Мф. 11, 27). Таким образом, подмена общения со Христом на общение с людьми в рамках христианского учения абсолютно невозможна.

2. Второй тип богообщения, согласно учению о. Вячеслава, (2:35) «это общение с собой другим, с собой божественным, когда я открываю для себя тайну самого себя... **Богообщением может быть глубокое размышление с самим собой**».

Для обоснования этого тезиса о. Вячеслав не находит ничего в Священном Писании или святоотеческом Предании, поэтому просто декларирует эту мысль, надеясь, что его личного авторитета будет достаточно. Здесь были бы очень кстати высказывания некоторых индуистских гуру, буддийских мастеров, оккультных учителей, в учениях которых этот подход практикуется, но подобные цитаты стали бы полным провалом для уважаемого лектора, поэтому он ограничился своим авторитетом. Если же рассматривать это высказывание по сути, то здесь имеет место подмена религиозного теоцентризма, фундаментального для христианства, на эгоцентризм, характерный для восточных учений.

3. Свои придуманные два типа богообщения о. Вячеслав называет (4:46) «прогрессивными... потому что это **богообщение с точки зрения Бога**».

Здесь опять возникает недоумение: откуда о. Вячеславу известна «точка зрения Бога», особенно по второму типу богообщения, который он никак не обосновал? По всей видимости, у него есть какой-то тайный прямой доступ к Нему. Но как это согласуется с его же тезисом «богообщение — это человекообщение»? Загадка. Впрочем, разгадка может заключаться в том, что если он считает общение с собой богообщением, то все, что ему придумается, можно выдать за «точку зрения Бога», что он, скорее всего, и делает.

4. После этого о. Вячеслав приступает к изложению отживших типов богообщения, которые ему кажутся ошибочными или неполноценными:

(5:43) «**У нас же с вами царит более грубая версия, совершенно языческая, по-настоящему совершенно махровая языческая версия, где Бог является внешним объектом, который приходит к нам, и мы с Ним входим в общение**, как с конем, как с соседом, как с ласточкой и еще с кем-то».

По версии о. Вячеслава, эта «махровая языческая версия» представлена в Библии и является третьим типом богообщения, который с небольшими отличиями представлен и в практике православного монашества (четвертый тип богообщения) (6:03). Третий и четвертый типы богообщения, по мысли о. Вячеслава, единосущны так же, как предшествующие два. Вот более конкретные его пояснения о третьем пути:

(6:43) «**Третий путь — это библейский, или, иначе говоря, языческий путь богообщения:** это когда Бог является Аврааму, Бог является Иакову и даже борется с ним, Бог является Моисею, чё-то там уговаривает его... Бог Моисею вручает скрижали. Бог потом является через пророков... **Это очень грубая формула, и она сбивает нам настройки**».

(7:51) «**В таком случае у нас возникает праведный атеизм**», потому что...»

(9:16) «**библейский тип богообщения обесценивает наше богообщение**».

Здесь о. Вячеслав по сути измазывает грязью Библию, которая переполнена борьбой с язычеством, тем, что называет библейское богообщение языческим. Как и в предыдущих случаях, о. Вячеслав не утруждает себя

поиском аргументации. Просто приклеивает к Библии ярлык «языческое богообщение» и рассуждает дальше. Почему же ему так не понравился библейский путь? Потому что «библейский тип богообщения обесценивает наше богообщение». О. Вячеславу очевидно, что его антропоцентричные и эгоцентричные религиозные модели никак не совместимы с Библией. На фоне этого явного противоречия с Библией у батюшки не возникает сомнения в собственной правоте. Он действует по принципу: если библейское Откровение противоречит моим словам, тем хуже для него.

5. Дальше автор раскрывает свое понимание четвертого — монашеского типа богообщения:

(9:55) «К сожалению, наши святцы [святые отцы] пошли в этом же направлении [по библейско-языческому пути]. Серафиму Саровскому явился [Бог], Сергию Радонежскому явился [Бог]. Божия Мать являлась — рангом пониже, но тоже приятно».

О. Вячеслав делает важный акцент, что третья и четвертая модели богообщения не могут существовать параллельно с первыми двумя, так как они оттеняют и обесценивают друг друга.

(10:12) «Таким образом, Библия мешает нам духовную жизнь устраивать».

Веря Библии или, что то же самое для о. Вячеслава, (11:05) «сопрягаясь с языческим типом богообщения, мы теряем христианство, а между тем оно идет по другому типу, по экзистенциальному, иначе говоря. Современное христианство строится на том, что размышление с самим собой есть богообщение. Мы едим один круассан — это и есть богообщение. Именно этого хочет Бог, это Его тайное желание, которое Он сделал явным».

О. Вячеслав открыто формулирует свое мировоззрение, декларируя, что «Библия мешает нам духовную жизнь устраивать». Кажется, что это уже теологическое дно. Куда еще можно опуститься? Но в сравнении с его дальнейшими рассуждениями данное высказывание оказывается относительно умеренным.

Обратим внимание, что здесь он еще признает, что православное монашество движется по библейскому пути богообщения, который он считает языческим. Монахам являются Бог и Божия Мать, то есть у них есть реальный опыт живого личного богообщения, но почему-то о. Вячеслав называет это язычеством. Дальше в лекции автор резко изменит свою пози-

цию и начнет доказывать, что у монахов нет реального богообщения и они придумали для этого оправдание.

6. После этого о. Вячеслав с разных сторон критикует монашеский путь богопознания:

(11:37) **«Монашеский путь — это криптоязыческий путь... [выстроенный] исходя из языческих предпосылок, где Бог является, чудотворит, направо-налево молнии и все такое... Монахи, веря в это всё, они, естественно, как-то должны были из этого выкрутиться. И они выкручивались в два хода. Первый ход: мы смиренные, мы грешные, поэтому Бог нам не является, и если ты хочешь общаться с Богом, — тебе осталась самая малость — очистить душу свою от грехов [далее автор дает две цитаты аввы Исаии о необходимости победы над страстями, чтобы соединиться с Богом]... Это необходимые допущения, чтобы объяснить, почему богообщение не происходит так, как должно происходить. А должно происходить оно так, как описано в Ветхом и Новом Заветах, — чудеса сплошные, летают все, по водам ходят, исцеляются, воскрешаются и так далее. Все это невероятно давит, когда в это веришь. Вы, конечно, спокойно сидите, пьете кофе, потому что вы во все это не верите. И наше поколение, по большому счету, ни во что это не верит и поэтому не понимает сильно, о чем я сейчас говорю. А я, как человек верующий, я это прям чувствую, что если мы видим, что Бог являлся Аврааму, Исааку, Иакову, Моисею, апостолам и даже грешникам, Корнилию сотнику и прочим. Мы видим, что Бог действовал ярко, действовал убедительно, Савлу явился и прочее, то сейчас Он не является. И тогда монахи рожают идею: ты сначала очистишься от страстей, и потом по мере очищения от страстей у тебя будет способность к богообщению. А потом богообщение рождает в тебе сокрушение, и поэтому ты все равно не можешь сказать, что ты уже богообщаешься... Система сделана так, чтобы вы не смогли это заявить никогда, потому что Ветхий Завет никогда не изменится, он уже написан, и Новый Завет тоже. Поэтому вам никогда не выйти на то, что написано в этих книгах. Вы никогда не будете получать явление ангелов, явление Божией Матери, явление Христа, чудотворения и прочее. Вы сами думаете, что этого не может быть, и поэтому загодя говорите, даже если все будет приготовлено. И если человек избавится от страстей и начнет общаться с Богом, то признаком того, что он общается с Богом, является что? Правильно, то, что он не признаёт**

себя общающимся с Богом, не признаёт себя избавившимся от страстей. Вот такая замечательная модель, из которой нельзя выйти, но она служит прекрасным способом спиритуализации образов богообщения Ветхого и Нового Заветов» (16:37).

В этом карикатурном изображении монашества, которое имеет сходство с реальной жизнью не больше, чем килька в томатном соусе с созвездием Рыб, о. Вячеслав противоречит не только Библии, Церкви, реальности, но и самому себе. Чуть ранее он заявлял, что Бог и Божия Матерь являлись прп. Сергию Радонежскому, прп. Серафиму Саровскому (9:55), но через две минуты о. Вячеслав уже утверждает противоположное: «сейчас Он [Бог] не является», поэтому «монахи рождают идею: ты сначала очистишься от страстей, и потом по мере очищения от страстей у тебя будет способность к богообщению». Из чего следует, что «Вы никогда не будете получать явление ангелов, явление Божией Матери, явление Христа, чудотворения и прочее». Как эти взаимоисключающие позиции уживаются в сознании лектора, это еще одна загадка его выступления.

Фактами подлинного богообщения переполнены жизненные истории православных подвижников во все века. Именно реальный опыт жизни в Боге побуждал их к великим подвигам. Если даже ограничиться XX–XXI вв., то достаточно вспомнить св. прав. Иоанна Кронштадтского, прп. Силуана Афонского, прп. Серафима Вырицкого, блж. Матрону Московскую, свт. Луку Крымского, свт. Николая Сербского, прп. Иосифа Исихаста, прп. Порфирия Кавсокаливита, прп. Паисия Святогорца, старца Ефрема Аризонского, старца Фаддея Витовницкого, архим. Иоанна (Крестьянкина), архим. Кирилла (Павлова) и многих других подвижников, для которых общение с Богом было реальным опытом их жизни, подтвержденным в том числе чудесами, знамениями, откровениями, о которых о. Вячеслав рассуждает с высокомерной язвительностью и сарказмом атеиста. Никому из них даже в голову не приходило играть в эту порочную игру самообмана, которую выдумал о. Вячеслав. Если бы православное монашество не имело реального опыта благодатного взаимодействия с Богом, то оно не продержалось бы и пару десятков лет. В данном случае о. Вячеслав, скорее всего, проецирует на монахов свои разочарования в духовной жизни, не допуская мысли, что в реальности все может быть совсем иначе.

7. Подводя итог современной православной практике богообщения, о. Вячеслав, заключает:

(19:10) «Богообщение есть то, чему мы никогда не можем дать смысл, потому что мы в него не верим, — это первый вывод, и он неправильный, я его снимаю. [Другой вывод.] Потому что **мы находимся в плену предыдущей парадигмы, не решаясь объявить новую**».

Здесь мы обратим внимание на очередную непонятно чем обоснованную декларацию о Вячеслава, в которой он объявляет смену парадигм богообщения. Была субъектно-объектная (библейско-языческо-монашеская), а теперь грядет новая — экзистенциальная (антропоцентрично-эгоцентричная), где не будет никаких богоявлений, чудес и знамений, в которые, как кажется батюшке-психологу, почти никто не верит, а будет... Об этом чуть дальше.

8. Далее о. Вячеслав продолжает карикатурно изображать монашеское богообщение, точнее его отсутствие, используя яркую метафору:

(23:33) «Таким образом, **богообщение выглядит как морковка, привязанная перед лицом монаха, но она на монахе же и держится, на его тезисе о том, что он должен быть очищен**».

После этого о. Вячеслав разбирает некоторые святоотеческие цитаты о необходимости бесстрастия для богообщения, которые, как ему кажется, подтверждают его позицию, и не замечает прямых свидетельств Нового Завета о необходимости чистоты для общения с Богом: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8); *Всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист* (1 Ин. 3, 3); *Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим* (2 Кор. 7, 1) и мн. др. Лектор не берет во внимание традиционное православное понимание, что чистота души — это не абсолютная вершина, взойдя на которую человек приобщается благодати, но высокая цель, по мере приближения к которой верующие люди постепенно освящаются Божественной силой.

9. После этого о. Вячеслав делает вывод:

(32:48) «Так святые отцы старались выйти из-под огромного пресса Священного Писания. Им мешала эта вся традиция, чтобы сказать, что да, ребята, **Бог не в знамениях, Бог между нами, Бог — это само пространство между нами**, и так далее».

По мысли о. Вячеслава, усилия монахов направлены не на стяжание благодати, а на то, чтобы «выйти из-под огромного пресса Священного Писания». Другими словами, они стараются перейти к первому и второму

типу богообщения, но что-то у них не получается. В частности, им очень мешает Библия с ее чудесами и знаменами.

10. Затем о. Вячеслав переходит к обсуждению духовного опыта неофитов, который переживали многие христиане и который неоднократно описан у святых отцов как подлинный и благодатный. С этой проблемой ему необходимо разобраться, так как благодатный опыт неофитов несовместим с декларацией батюшки-психолога об отсутствии реального благодатного опыта богообщения в наше время. Для этого о. Вячеслав сначала цитирует блж. Диодоха Фотикийского, утверждавшего подлинность духовного опыта новоначальных христиан, а затем дает свою оценку и психологическую интерпретацию неофитской модели богообщения:

(34:37) «Модель эта, конечно, замечательная, но **она с точки зрения психологии просто смешна...** Есть понятие эйфории и дисфории. Так вот, **неофитский залог благодати — это просто эффект отложенной эмоции.** Неофитство есть во многих сферах: это и первый год брака, то, что называют медовым месяцем, это первый период учебы... Эйфория — это отложенное удовольствие, увлечение. Если вас назначили на должность... если у человека резко появляются деньги, он переживает определенную эйфорию... Но никто не придумывает под это дар Духа, Который дает Себя вкусить. **Это просто отложенная эмоция, эффект отложенной эмоции...** При чем здесь благодать Святаго Духа вообще? Это легко объясняется и без [нее]... А потом бывает дисфория... потому что эмоция была несоответственной реальности» (39:52).

Другими словами, неофитский благодатный опыт — это отложенная эмоция, а не воздействие Божие. Единое мнение святых отцов о благодатности этого опыта о. Вячеслава, как обычно, не беспокоит. Святоотеческое объяснение кажется ему смешным, и вместо него он дает психологическое — «это просто эффект отложенной эмоции... Эйфория — отложенное удовольствие, увлечение». После этих слов у меня возникло предположение, что о. Вячеслав такой опыт в своей жизни не переживал, поэтому насмехается над ним и выдумывает альтернативные психологические гипотезы.

Признаюсь, что в моей жизни на первом этапе воцерковления этот опыт был, весьма конкретный, когда после первой тщательной Исповеди и Причащения Святых Христовых Таин я ощутил радикальное бессилие тех страстей, которые меня одолевали до принятия церковных таинств.

Об этом состоянии я ничего не знал даже теоретически (духовные книги тогда почти не издавались) и не мог этого ожидать или мечтать об этом в принципе. Здесь не было эмоциональной эйфории, потому что я этого не ждал, но именно опыт парализации страстей, который меня весьма удивил, но очевидно, что происходил он не от отложенных ожиданий или эндорфинного всплеска, не от моих волевых усилий, но именно от чего-то сверхъестественного. Только потом я узнал, что часто благодать незаслуженно даруется неопитам на какое-то время. Постепенно, как это обычно бывает, страсти вновь ожили, но мне уже было понятно, как с этим нужно бороться. Поэтому я могу подтвердить справедливость слов как блж. Диодоха, так и всех святых отцов, которые писали о неопитском опыте благодати, и радикально не соглашаюсь с о. Вячеславом.

11. Ссылаясь на 38-ю главу неканонической книги Иисуса, сына Сирахова, о. Вячеслав изображает пятый тип богообщения, который якобы присутствует у ремесленников и крестьян:

(44:17) «И вот он [Иисус, сын Сирахов] заключает дальше в 38-й главе: “и молитва их — дело их”. То есть **дело, сделанное ради другого, или хотя бы дело, сделанное хорошо, есть тоже своего рода богообщение**».

Даже если оставить без внимания неканонический статус этой книги, что уже делает невозможным производить серьезные выводы по такой фундаментальной теме, как богообщение, понимание этого места о. Вячеславом весьма спорное. Он использует упрощенный славянский перевод греческой фразы: *καὶ ἡ δέησις αὐτῶν ἐν ἐργασίᾳ τέχνης* (Сир. 38, 39), которая буквально означает *и молитва их — в [отношении] изделия ремесла [их]*, что в синодальном переводе представлено так: *и молитва их — об успехе художества их* (Сир. 39, 39). Аналогичный перевод содержится в английской версии⁴: *and their prayer is concerned with their craft* (Sir. 38, 34). Исходя из этого видно, что пытаться представить трудовую деятельность как богообщение можно лишь при наличии очень большой фантазии.

12. При повторном обзоре первой модели (богообщения как человекообщения) о. Вячеслав делает очередной радикальный вывод:

(47:32) «**Бога нужно убирать как активную фигуру. Бог должен быть вторичной фигурой. Бог — это звук благодарности, который мы слышим из уст людей. Это некоторое чувство уюта, которое у нас есть**».

⁴ Common English Bible, 2011.

Таким образом, о. Вячеслав настаивает не только на переходе от теоцентризма к антропоцентризму. Он стремится не просто переместить доминанту религиозного внимания с одного важного центра (Бога) на другой (человека). Все серьезнее: Бог должен уйти в тень, стать опосредованной фигурой в стремлениях человека. Ему разрешается проявлять Себя только посредством человеческих отношений. О прямом диалоге с таким исчезающим Богом следует забыть. По сути перед нами адаптация к церковной действительности ницшеанского тезиса о «смерти Бога». Христианам предлагается принять это как факт и научиться жить в новой реальности теотанатологии⁵.

13. Надо отметить, что тeneвую, пассивную роль о. Вячеслав отводит не только для Бога вообще, но и для Христа в частности. В другой своей лекции⁶ он прямо заявил:

(1:58:02) **«Христоцентричность нужно убирать. Христос убирал христоцентричность. Он как раз-таки убирал Себя из культа... Христос растворяется между нами. Он не должен быть объектом культа. Не должно быть христоцентричности. Христоцентричность — это языческая ересь... Я считаю, что люди должны приходить в храм друг к другу. А Бог — само собой. Он же любит нас, поэтому Он любит с нами быть»** (1:59:03).

О. Вячеслав пытается обосновать свою позицию тем, что Христос умывал ноги ученикам и призывал их любить друг друга. В этих словах лектору видится, что «Он Себя уничтожает», хотя очевидно, что этот призыв Христа прозвучал просто для выстраивания правильных отношений между учениками. Опосредованное присутствие Христа среди любящих учеников никогда и никак не исключало прямого общения учеников со Христом как до, так и после Его воскресения. Об этом же говорит и двудесятая заповедь Христа о любви к Богу и ближнему. Но о. Вячеслав радикализирует ситуацию и пытается искоренить любовь к Богу и общение с Ним, а оставить только общение с ближними и считать это богообщением. Если мы обращаемся

⁵ Теотанатология — теология «смерти Бога», одно из направлений теологии постмодерна, представители которой пытаются объяснить рост светскости и отказ от традиционных верований в Бога. Данная концепция приобрела известность в 1950-х и 1960-х гг. Главными представителями этой радикальной теологии являются: Г. Ваганян, П. Бюрен, У. Гамильтон, Дж. Робинсон, Дж. Капуто и др.

⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=5iwCAV5ON9o>.

непосредственно к Евангелию, то видим противоположное: личность Христа, вера в Него, непосредственное единство с Ним — это путь спасения и фундамент духовной жизни христианина, который о. Вячеслав категорически отвергает, вплоть до утверждения, что «Христоцентричность — это языческая ересь».

Приведем лишь несколько свидетельств христоцентричности из Нового Завета, которых там огромное количество: *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным, а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 32; ср. Лк. 9, 26; 1, 8–9); *Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его* (Ин. 5, 23); *Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге* (1 Ин. 4, 15); *Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10, 9); *Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 9–11). (См. также: Мф. 11, 27; Лк. 10, 22; Ин. 6, 35, 40, 47; 11, 25–26; 12, 44–46; 14, 6, 12–13, 23; 16, 14; Ин. 17, 3; Деян. 4, 12; 1 Пет. 1, 21; 2, 4; 1 Ин. 2, 23; 4, 2–3; 5, 12, 20; Рим. 14, 11; 1 Кор. 12, 3; Еф. 3, 14; Откр. 5, 13 и мн. др.)

«Растворение» Христа, о котором ратует о. Вячеслав, уже происходит в западном христианстве, что особенно видно в дни рождественских праздников. Повсюду звучат поздравления, в магазинах устраивают распродажи, кинокомпании выпускают новые фильмы, все веселятся, отдыхают, общаются, но Сам Христос на этом празднике почти не вспоминается. Легко представить, насколько абсурдным является день рождения, где имя и личность именинника сознательно игнорируются приглашенными на праздник. Такой же абсурд происходит в западном обществе, где Христа растворили в массовой культуре потребления и развлечений. Похоже, что подобное отношение ко Христу, а точнее, «растворение» Христа предлагается и в данной лекции, но для внутренней церковной жизни.

14. Далее в лекции «Богообщение» вновь объясняется путь богопознания через общение с самим собой:

(50:15) «Путь от себя [внешнего, социального] к себе [внутреннему]... к «я», которое нельзя пересказать... и вот **путь к этому «я» и есть путь к Богу**. Но вы скажете: неужели вы обожествляете часть себя? Нет. Вот **этот**

путь к себе есть то, что Бог воспримет на Свой счет... Он хотел этим сказать, что не вокруг Него вращается богообщение, а вокруг человека богообщение. И в данном случае познание своего внутреннего «я» — тот путь, который открывает Бога» (52:37).

Данное индуистско-буддийско-окультистское утверждение о Вячеславе не может обосновать Священным Писанием или святыми отцами, поэтому ограничивается упоминанием В. Н. Лосского и католического мистика Майстера Экхарта, но конкретных цитат не приводит, видимо, рассчитывая, что его авторитета для принятия этой инородной идеи достаточно.

15. После этого о Вячеславе вновь говорится о несовместимости предлагаемых им моделей богопознания (первой и второй) с христианской аскетикой, но в своем критичном запале выходит на новые рубежи откровений о Боге:

(54:50) «Христианская аскетика говорит о том, что Он [Бог] не о тебе волнуется, а о твоей чистоте. Волнуется о том, чтобы ты не был грешен. Он реагирует на грех, реагирует на праведность — это не ты... Получается, что Бог реагирует не на самое глубокое (по традиционной православной аскетике), а по новой православной аскетике, которую я предлагаю сегодня, Бог реагирует на самого тебя. И в этом случае, когда ты общаешься с другим, Он наслаждается этим общением вместе с тобой. Он сопребывает, сопричастен. Вот мы говорим: “Я причастился, я причастен Богу; значит, и Бог причастен мне”. Значит, когда я ем мороженое после причастия, значит, уже не я ем мороженое, а мы, нас четверо — я и Святая Троица — едим мороженое. Поэтому берите сразу четыре... А вот идет мусульманин, он берет два — себе и Аллаху. Вот оно, преимущество Православия!» (56:44).

Недостаток аргументов в пользу своей «новой православной аскетики» о Вячеславе компенсируется карикатурным изображением православного подвижничества, иронией и сарказмом. Используются все возможные таланты одесского батюшки для продвижения в сознание слушателей его концепции. Как говорится, «на безрыбье и рак — рыба».

16. Представив святых отцов как творцов концепции недостижимости богообщения, о Вячеславе проявляется к ним снисхождение:

(56:55) «Я не обвиняю святых отцов в том, что они написали. Они — как волосинка возле огня. Все, что она может, — это выкручиваться и сгорать. И православные аскеты — что они могли сделать рядом с таким огромным

объектом, как Бог? Они могли сказать: «Мы недостойны; мы сейчас очистимся; ой, не получается; мы вечно неочищенные, вечно убитые сами собой; извини нас, Господи, прости; вот я и умираю в этом состоянии, я даже не начинал покаяния, прости, Господи». Всё. **В этом случае он [святой отец] воспринимает Бога, реагирующего на свои следствия, как грех и праведность, и, соответственно, себя так оценивает и не может никак начать.** Для него богообщение является расправой со своими грехами. Здесь оказывается, что **первая модель богообщения может поглотить в себе четвертую модель богообщения — монашескую... Но в модели самой террористической — это библейская модель, — там уже ничего не помещается,** потому что эта модель имеет другую цель... Она создана как шаблон, канон законодательства... поэтому Бог это сказал точно, или же знамения были, или эта книга просияла, или упала прямо с неба, как некоторые мусульмане говорят про Коран, и т. д. Это необходимость для фундаментальных заявлений, которые находятся в Писании. Получается, что то, что является подпоркой Писания [чудеса], мешает авторитету самого Писания, — имею в виду, восприятию тех строк Нового Завета, которые говорят о том, что Бог воспринимает коммуникацию людей за Свою» (01:01:20).

Здесь опять о. Вячеслав упражняется в создании карикатурных изображений святых отцов и православной аскетики, в дискредитации библейской модели богообщения, называя ее «самой террористической». Однако во второй половине этого пассажа о. Вячеслав проговаривает нечто важное. Утверждая, что православная аскетика не работает, он делает заключение, которое является и его предложением: «первая модель богообщения может поглотить в себе четвертую модель богообщения — монашескую». Первая модель — это общение с ближними, которое надо считать богообщением. Вот это и есть решение монашеских духовных проблем, согласно концепции о. Вячеслава! Раньше они искали общения с Богом и, как ему кажется, не находили. А теперь общайтесь с ближними и считайте, что вы общаетесь с Богом! Разве может быть что-нибудь проще! Вот только непонятно, зачем ради этого идти в монастырь?

Слово «монах» происходит от греческого слова μοναχός (производное от μόνος — «один») — «живущий уединенно», «одинокий». Если же следовать предложению о. Вячеслава, то надо закрыть монастыри полностью, расстричь монахов и монахинь, вернуть их в мир, привлечь к социальной

работе, желательно прокрутив им курс лекций о Вячеслава, которому невдомек, что если бы монашеская жизнь не давала реального опыта богообщения, то монахи давно бы разбежались и монашество бы вымерло без «гениальных» предложений батюшки-психолога.

17. Отвечая на вопрос слушательницы о существующей у нее внутренней потребности в благодатном опыте богообщения, подобному неофитскому, о Вячеслав советует ей, если уж она подседа на эмоциональный «сахарок», строго попоститься в соответствии с Уставом Церкви, ограничить себя во всем:

(01:06:10) «Тогда вам каждый праздник после поста покажется очень даже ничего себе, просто вообще благодатный аж очень. Но это все за счет вот этого хитрого дела: здесь переживаем — там выпускаем, и получается “сахарок”. Вот такой самогонный аппарат... Если же обойтись без этих вещей, то вот мое общение с ближними — оно стремится к глубине... **Вот вам нравится общение с человеком, вот это общение и есть общение с Богом. Вот это общение с человеком — это то, ради чего создано все. Он ради этого самоустранился.** Он ради этого сказал “камня на камне не останется”, но Он не знал, что они отстроят заново... вместо одного тысячу других» (01:08:31).

Предлагается заместить естественную потребность человека в благодати искусственным созданием эмоциональной эйфории или же общением с ближними. Бог как источник подлинной благодати в круг рассмотрения о Вячеслава не только не входит, но вытесняется. Находкам о Вячеслава в области купирования и сублимирования потребности богообщения могли бы позавидовать советские атеисты.

18. Вновь возвращаясь к притче о Страшном Суде, о Вячеслав поясняет:

(01:12:06) «Своей притчей Он хотел сказать о том, что **Он хотел достичь децентрализации религии. Он хотел сказать, что не надо центрировать религию вокруг Бога. Центрируйте ее вокруг себя. Собирайтесь вместе. Где вы соберетесь, там и Я буду**».

Здесь о Вячеслав опять апеллирует к своему эксклюзивному знанию внутренних намерений Бога и пытается приписать Спасителю идею смены религиозной парадигмы: с теоцентричной на антропоцентричную. Мы уже разбирали некорректность этой подмены выше, особенно в п. 13, поэтому здесь повторяться не будем. Скажем лишь, что реальное единство с Богом посредством Божественной благодати было, есть и будет основой

православной духовной жизни. А философско-психологические интерпретации, фантазии и мечтания возникали во все века и так же стремительно исчезали.

19. Кто-то из слушателей указал на проблему с загробной жизнью, которая возникает в предлагаемой концепции. Этот вопрос немного выбил о. Вячеслава из руслу рассуждений, но далее он вернулся к нему таким образом:

(01:13:14) «Да, есть эсхатологическая перспектива богообщения, когда мы говорим: здесь мы общаемся через тусклое стекло, а там мы все увидим, после смерти по-настоящему все начнется, и так далее и тому подобное — ну, это еще одна попытка сказать о том, что “морковку” ты не увидишь. Вот она есть, но ты ее не укусишь. Укусишь, вернее, но после смерти. То есть практически расписаться в том, что плодов не будет. Ты придешь в монастырь, ты будешь заниматься здесь 50 лет аскезой, но плодов не будет. Плоды будут, когда ты умрешь» (01.13.58).

Опять о. Вячеславом демонстрируется убежденность в безблагодатности монашеской жизни в течение земной жизни, а учение о загробной участи — это «морковка», которой размахивают опытные монахи, чтобы заманить людей в монастыри. Какие-либо аргументы не представлены.

20. Комментируя предложение слушателя относиться к любой эмоциональной эйфории как к благодати, о. Вячеслав, после небольшого колебания, соглашается с этим утверждением:

(01:16:06) «Да, может быть, и эйфория. Бог принимает ее на Свой счет. Но я просто посчитал, что коль у нас есть объяснение куда более эвристически богатое, через которое объясняется любая эйфория: и брачного периода, и новой работы, и велосипеда, и назначения... Все эти переживания эйфории однотипны по отношению к тому, когда человек становится верующим. Он тоже начинает быть в восторге от того, что теперь можно. Я соглашусь. Давайте скажем, что благодать Божия дается после эндорфинного всплеска, после отложенной эмоции» (01.17.22).

Если рассматривать лекцию о. Вячеслава как театральную постановку, то здесь мы приближаемся к кульминации. Его фраза: «Я соглашусь. Давайте скажем, что благодать Божия дается после эндорфинного всплеска, после отложенной эмоции», прозвучавшая в качестве реакции на предложение слушателя считать любую эмоциональную эйфорию благодатью, означает, что любой источник эмоциональной эйфории (еда, наркотики, алкоголь,

сексуальные отношения, развлечения, хобби, путешествия, загорание на пляже и т. п.) — это «благодать» или причина «благодати», а религия значения не имеет. Если это так, то такую «благодать» можно не только стимулировать внешним образом, но и химически синтезировать и вкалывать себе периодически. Зачем какая-то духовная жизнь для этого?

Интересно, почему в представлении о. Вячеслава «благодатными» являются именно эндорфины? А другие «гормоны счастья» (дофамин, серотонин, окситоцин) безблагодатные? В чем принципиальное различие их в аспекте «благодатности»? Надеюсь, ответы на эти вопросы прозвучат в следующих лекциях.

Правда, о. Вячеслав почувствовал «смелость» своего высказывания и решил немного подправить его (01:19:00): **«Лучше давайте назовем неруководимую мною эмоцию Богом, тогда будет проще»**, что не меняет шокирующей сути его трактовки «благодати». В XIV в. в споре свт. Григория Паламы с еретиком Варлаамом Православная Церковь отстояла учение о нетварности Божественной благодати, которую Варлаам считал тварной. О. Вячеслав пошел дальше Варлаама. Для него благодать не только тварная, но имеет эмоционально-гормональную природу. После этих рассуждений можно было бы присвоить о. Вячеславу Шнобелевскую премию в области теологии и опустить занавес в этом спектакле, но одесский батюшка, не сбавляя оборотов, продолжил.

21. Один из слушателей, осознавая, что в концепции о. Вячеслава вера в Бога вообще не нужна, спрашивает:

(01:19:27) «Если понимать богообщение так широко, то **сознательная вера вообще не нужна, получается так?** Ни Причастие, ни религиозность; более того, можно выбрать Артемиду».

О. Вячеслав отвечает (01:19:48): **«Можно, вот я вам скажу, можете выбрать Артемиду. Но вы не древние греки, и вам будет неудобно поклоняться Артемиде, перечитывать мифы о ней. Можете не причащаться, не приходить в храм и ничего не делать и не молиться, но вам будет неудобно, потому что определенные религиозные ходы нами приняты и одобрены, почему бы ими не пользоваться? Мы уже за них заплатили, они уже поселились у нас в душе, они психикой приняты, душа на них хорошо реагирует. Зачем же от них отказываться?»** (01:20:33).

То есть для о. Вячеслава религия — это не вопрос об истинном Боге и единении с высшим бытием, а зона психологического комфорта. Какая

религия комфортнее, ту и надо выбирать, советует батюшка-психолог. Все эти вопросы об истинном Боге для него, живущего в эпоху постмодерна, когда «Бог умер», просто смешны.

22. Следующий вопрос слушателя был обращен к исследованию границ богопознания в рамках представленной концепции: чем богообщение при богослужении отличается от поедания мороженого? О. Вячеслав ответил:

(1:23:19) «У нас не хватает веры в мороженое... Нам на богослужении удобно, потому что мы верим в богослужение. Верим в то, что если обходить вокруг престола и дымить, то это больше значит, чем открывать пакет с мороженым. Верим в то, что петь 103-й псалом — это больше значит, чем начинать кусать это мороженое. Почему? Потому что мы исходим из культурных патернов, что это вообще ничего не значит — мороженое, а литургия что-то значит. У нас веры не хватает. Вот **если бы мы верили, что всякое творение Божие есть дар Божий, особенно мороженое летом, то, естественно, нам бы не было разницы. Ее и не должно быть.** Но постольку, поскольку мы немощны в вере, то Церковь Божия, спасительная и благодатная, придумывает нам всякие такие вычурные мероприятия, которые в силу своей специфичности и вычурности пробуждают в нас хоть какую-то веру. И мы хоть в церкви верим, хоть наполовину. А уж когда выходим из церкви, уже сложно верить в мороженое, пирожное и хорошую погоду. Мы уже думаем: погода — это циклоны нам принесли, мороженое — это бракоделы сделали из пальмового масла, а пирожки продают неизвестно с чем, говорят, что с повидлом. **Мы ни во что это не верим, поэтому не можем сакрализировать»** (01:25:32).

Другими словами, сакрализировать можно все что угодно, включая мороженое, и получать через это желаемое богообщение, но у нас не хватает веры, поэтому мы идем по проторенным религиозным маршрутам. Трудно представить более комфортную религиозную концепцию, чем ту, которую придумал о. Вячеслав. Но если бы это было так, то почему страницы Ветхого и Нового Заветов пропитаны бесконечными призывами избавиться от язычества и идолопоклонства? Ведь в язычестве происходила сакрализация сил природы, страстей, животных, вещей. И вообще, язычество — это комфортная религиозная концепция, гораздо комфортнее любого монотеизма. В язычестве можно выбрать удобное божество для поклонения, соответствующее внутренним запросам и страстям, и быть религиозным, думать, что ты хороший верующий человек, удовлетворяя свои греховные

стремления. В монотеизме с его однозначностью и универсальностью все сложнее. Откуда же происходят бесконечные призывы Бога искоренить многобожие и идолопоклонство (вспомним хотя бы первую и вторую заповедь Декалога)? Этот вопрос, как и вообще вопросы согласования своих взглядов со Священным Писанием и Священным Преданием, к сожалению, о. Вячеслава не беспокоят.

Заключение

Перечислим основные идеи о. Вячеслава, высказанные в этой лекции:

1. Бога вообще и Христа в частности нужно убирать из центра религиозного культа. В этом центре должен находиться человек (п. 12, 13, 18).

2. Богообщение, описанное в Библии, — это языческое богообщение, которое в реальности недостижимо для людей. Почему оно языческое (при том что Библия пронизана борьбой с язычеством), это в лекции не объясняется (п. 4, 16).

3. Православное монашество не смогло обеспечить реального богообщения, поэтому придумало модели оправдания своего духовного бесплодия — учения о бесстрастии, о чистоте души, о загробном воздаянии (п. 5, 6, 8, 9, 16, 19).

4. Вместо недостижимого библейско-языческого богообщения и нереализуемого монашеского о. Вячеслав предлагает общение с другими людьми или общение со своим внутренним «я», что является, по его представлению, подлинным богообщением. Другими словами, предлагается радикальная смена религиозной парадигмы — перейти от взаимодействия с Богом к взаимодействию с людьми и самим собой (п. 1, 2, 3, 7, 11, 14, 15, 17).

5. Божественная благодать, к которой стремятся верующие люди, — это эмоциональная эйфория или эндорфиновый гормональный всплеск в крови человека, что не имеет прямого отношения к религии, ее можно получить в самых разных жизненных ситуациях (п. 10, 20).

6. Религиозные концепции — это мировоззренческие системы, которые можно выбирать по принципу комфорта. Поэтому в определенных ситуациях вполне приемлемым, с точки зрения автора, является выбор язычества (например, поклонение Артемиде). Более того, религии можно создавать самому через сакрализацию любого объекта, включая даже мороженое (п. 21, 22).

Все эти идеи радикально противоречат православной вере, дискредитируют Библию, обесценивают духовный опыт Церкви. В основном тексте статьи они разобраны, поэтому здесь мы повторяться не будем. Вопрос в другом: каковы корни и каковы последствия восприятия их в церковном сообществе?

Мне неизвестны внутренние причины, почему о. Вячеслав столь усердно занимается деконструкцией христианства, но надо признать, что подобная религиозно-идеологическая деятельность уже давно представлена в западном теологическом сообществе. В последние 70–80 лет она реализуется под влиянием философских и психологических концепций экзистенциализма и постмодернизма.

Для постмодернизма, который принял эстафетную палочку от нигилизма и других философских течений, произошла не только «смерть Бога» (Ф. Ницше), но и «смерть автора» (Р. Барт), и «смерть субъекта» (М. Фуко), и «смерть теологии» (Т. Альтицер, К. Рашке, М. Тейлор) и много других «смертей». Постмодернизм упражняется в деконструкции ценностных оснований, не предлагая ничего значимого взамен. Глубокая осведомленность и симпатии о. Вячеслава к постмодернизму хорошо просматриваются в его лекциях, где он постоянно цитирует представителей этого направления. Но он прекрасно понимает, что, как говорится у Шекспира, «из ничего не выйдет ничего», необходим позитив, и здесь, по всей видимости, основой для о. Вячеслава стал экзистенциализм, получивший практическое приложение в психологии экзистенциального и гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Дж. Бьюдженталь, Фр. Перлз и др.). Экзистенциализм (как направление в психологии) говорит о первостепенной значимости личности человека, его уникальности, внутреннего мира, эмоций, переживаний, человеческих отношений, а к религии относится как психотерапевтическому средству, которое должно обеспечивать комфортное состояние клиента, что ясно прослеживается в рассуждениях о. Вячеслава, процитированных выше.

Попытки создания синкретической религиозно-философской модели, сочетающей в себе модные идеи постмодернизма, экзистенциализма, а также приятные стороны христианства, совершаются в западном обществе постоянно, и главным результатом таких экспериментов является переход от теоцентризма к антропоцентризму или, другими словами, переход от богопоклонения (теолатрии) к поклонению человеку (антрополатрии), где Богу

отводится роль слуги или статиста. Эта фундаментальная смена парадигм уже происходит в западном христианстве (яркий пример — постмодернистское религиозное движение Emerging Church, активно распространяющееся в США и в Европе) и стоит у порога Православной Церкви. Похоже, что о. Вячеслав решил примерить на себя роль проводника этих идей.

Новая религиозная парадигма является антихристианской по сути, так как в ней нет места Христу как Спасителю мира. Если попробовать вписать в религиозную концепцию о. Вячеслава подвиг Христа, то он там окажется абсолютно лишним. Зачем Сыну Божиему воплощаться, страдать, умирать, воскресать и возноситься на небо, если благодать люди могут получить через человекообщение, а такая возможность существовала у человечества всегда. Неужели Его Пришествие понадобилось только для того, чтобы рассказать притчу о Страшном Суде и сказать: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20)? Эти идеи Он мог бы передать через пророков. Зачем Христос пришел в мир и умер на Кресте? Эти принципиальные вопросы христианства в рамках концепции о. Вячеслава не только неразрешимы, но даже абсурдны.

Мне неизвестно, зачем о. Вячеслав занимается этой деструктивной деятельностью, но могу предположить, что здесь влияют несколько факторов.

1. Он не просто осведомлен, но увлечен современными философскими и психологическими учениями, что проявляется в постоянном цитировании адептов этих направлений, и хочет поделиться своим «сокровищем» со слушателями, не задумываясь, насколько это совместимо с христианством. Если же задумывается, то явно стремится деформировать христианство под новые идеи, а не наоборот.

2. Как практикующий психолог, он видит религию инструментом психотерапии для своих клиентов и пытается «заточить» ее соответствующим образом.

3. Созданный им религиозный шок-контент (все его лекции в совокупности) привлекает внимание к его персоне, что, наверное, приносит ему определенные эмоциональные дивиденды (эйфория, всплеск эндорфинов в крови), которые, в соответствии с его концепцией, являются «благодарью» или признаком оной.

4. Религиозный шок-контент о. Вячеслава — это неплохая возможность заработать, чем он активно пользуется, всячески монетизируя свои выступления в интернете.

В многовековой истории христианства подобных попыток соединить модные философские идеи и евангельское благовестие было множество. Яркий пример — гностицизм первых трех веков, где разные философы и мистики (Симон Волхв, Валентин, Менандр, Керинф, Карпократ, Сатурнин, Василид, Маркион и др.) пытались обогатить христианство своими идеями, создавая своеобразных религиозно-философских «кентавров» и «минотавров», о чем подробно писал сщмч. Ириней Лионский в пяти книгах «Против ересей». Все эти симбиотические построения погибли, оказавшись нежизнеспособными. В последующие века подобных попыток совершалось множество, и наше время не исключение. О. Вячеслав стремится продолжить этот ряд. Он предлагает слушателям свою постмодернистскую религиозно-философско-психологическую химеру и утверждает, что она соответствует Евангелию, жизнеспособна, дает потомство и делает людей счастливыми.

Что с этим делать? Известная поговорка гласит: предупрежден, значит вооружен. Смысл данной статьи именно в этом — показать, что, к сожалению, рассуждения о. Вячеслава, слегка припудренные религиозной терминологией, не имеют никакого отношения к Православию, к Церкви Христовой, к реальной духовной жизни, к Евангелию. Однако навязывание подобных антихристианских моделей христианства не ограничивается деятельностью только о. Вячеслава. Продвижение антрополатрии в новом формате происходит и будет набирать обороты, как это имеет место в продвижении феминистской, гендерной, экуменистической, трансгуманистической и вообще либеральной повестки в западном христианстве. Противостоять этому разрушительному явлению можно и нужно, но не только полемикой, вразумлением и внешними ограничениями, а реальным опытом богообщения, который для апологетов антрополатрии оказывается тайной за семью печатями, а для православных — силой Божией, свидетельствующей об истинности подлинного христианства, укорененного во Христе.

Источники

Вячеслав Рубский, прот. Богообщение // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UUmgCisYPWE> (дата размещения: 12.05.2022; дата обращения: 07.06.2023).

Вячеслав Рубский, прот. Положительные стороны православия // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5iwCAV5ON9o> (дата размещения: 27.04.2023; дата обращения: 07.06.2023).

References

Vyacheslav Rubskii, prot. *Bogoobshchenie* [Communion with God]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=UUmGcisYPWE> (accessed 07.06.2023).

Vyacheslav Rubskii, prot. *Polozhitel'nye storony pravoslaviya* [Positive aspects of Orthodoxy]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=5iwCAV5ON9o> (accessed 07.06.2023).